

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ И АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЗАГРЯЗНЕНИЕ ВОД

Власов Валерий Александрович

к. ю. н., доцент кафедры земельного права и экологических экспертиз

ФГБОУ ВО Красноярский ГАУ

доцент кафедры гражданского права и процесса

ФГКОУ ВПО СибЮИ МВД России

Россия, г. Красноярск

Толстикова Владислав Александрович

магистрант кафедры уголовного права и криминологии

ФГБОУ ВО Красноярский ГАУ, ЮИ

Россия, г. Красноярск

Сигаева Наталья Олеговна

магистрант кафедры уголовного права и криминологии

ФГБОУ ВО Красноярский ГАУ, ЮИ

Россия, г. Красноярск

Аннотация: В статье анализируются вопросы и проблемы нормативно-правового, доктринально-правового и правоприменительного характеров относительно реализации уголовно-правовой и административно-правовой видов юридической ответственности за загрязнение вод, в частности, вопросы определения правовой природы составов УК РФ и КоАП РФ; проблемы отсутствия соответствующей терминологии, наличия ошибок при индивидуализации уголовной ответственности за загрязнение вод, коллизий при квалификации административных правонарушений, связанных с загрязнением вод; предлагается изменение норм УК РФ и КоАП РФ путем модернизации ст. 250 УК РФ через формализацию в ч. 2 альтернативного квалифицированного признака – совершения деяния, предусмотренного ч. 1 анализируемой нормы, группой лиц, а также посредством изменения правовых конструкций составов ст. 7.6, 8.13, 8.14, суть которого состоит в исключении конкуренции между ними.

Ключевые слова: вода, экологические преступления, преступления в сфере земельных отношений, загрязнение вод, засорение вод, истощение вод, поверхностные воды, подземные воды, животный мир, растительный мир, рыбные запасы, лесное хозяйство, сельское хозяйства, рыбопродуктивность водного объекта, существенный вред водным биоресурсам, существенный вред рыбным запасам, массовая гибель рыб, охрана водных объектов, правила водопользования, условия водопользования.

CRIMINAL AND LEGAL ADMINISTRATIVE LIABILITY FOR WATER POLLUTION

Vlasov Valeriy Aleksandrovich

Ph.D, Associate Professor, Department of Land Law and Environmental Expertise

Krasnoyarsk State Agrarian University, Law Institute

Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure

Siberian law Institute of the interior Ministry

Russia, the city of Krasnoyarsk

Tolstikov Vladislav Aleksandrovich

Master student of criminal law and criminology

Krasnoyarsk State Agrarian University, Law Institute

Russia, the city of Krasnoyarsk

Sigaeva Natalya Olegovna

Master student of criminal law and criminology
Krasnoyarsk State Agrarian University, Law Institute
Russia, the city of Krasnoyarsk

Abstract: The article analyzes the issues and problems of a regulatory, doctrinal and legal and law enforcement nature regarding the implementation of criminal and administrative legal types of legal liability for water pollution, in particular, the issues of determining the legal nature of the compositions of the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation; the problem of the lack of appropriate terminology, the presence of errors in the individualization of criminal liability for water pollution, conflicts in the qualification of administrative offenses related to water pollution; it is proposed to change the norms of the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation by modernizing Art. 250 of the Criminal Code of the Russian Federation through the formalization in part 2 of an alternative qualified feature - the commission of an act provided for in part 1 of the analyzed norm by a group of persons, as well as by changing the legal structures of the compositions of Art. 7.6, 8.13, 8.14, the essence of which is to exclude competition between them.

Keywords: water, environmental crimes, crimes in the field of land relations, water pollution, water pollution, depletion of water, surface water, groundwater, fauna, flora, fish stocks, forestry, agriculture, fish productivity of a water body, significant harm to aquatic biological resources, significant harm to fish stocks, mass death of fish, protection of water bodies, rules for water use, conditions for water use.

В современный период времени по мере увеличения глобального дефицита пресной воды, с каждым годом возрастает стратегическое значение водных ресурсов. Следует отметить тот факт, что именно водные ресурсы относятся к числу основных среди всех природных богатств нашей страны. Вода – это основополагающая составная часть массы тела всех живых организмов. Недостаток воды или плохое её качество ставит под угрозу жизненно важные обменные и иные психосоматические процессы живого организма [20, с. 776].

Загрязнение вод (ст. 250 УК РФ) формализовано законодателем как состав экологического преступления, что является обоснованным, ибо непосредственным объектом данного деяния являются общественные отношения в сфере обеспечения экологической безопасности, охраны и рационального использования вод.

Однако, есть основания полагать, что «загрязнение вод» можно отнести и к такой доктринально-правовой категории как «преступления, совершенные в сфере земельных отношений» в силу следующих обстоятельств:

во-первых, в диспозиции ч. 1 ст. 250 УК РФ фигурируют такие категории как растительный мир (нередко, указывается как «флора»), лесное хозяйство, сельское хозяйство;

во-вторых, второй аспект квалифицированного состава загрязнения вод (ч. 2 ст. 250 УК РФ) связан с формализацией таких категории как территории заповедника или заказника и зоны экологического бедствия или зоны чрезвычайной экологической ситуации.

Ранее, был осуществлен анализ ч. 1 и 2 ст. 250 УК РФ, в рамках отдельной работы [21, с. 39-41], тем не менее, отдельные вопросы, связанные с ее предметом, остались не раскрытыми, что будет разрешено нами в рамках текущего исследования в т.ч. под углом соотношения ст. 250 УК РФ и отдельных административно-правовых норм, предусматривающих ответственность за некоторые схожие с содержанием первой нормы, деяния.

Во-первых, обратим внимание на предмет преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 250 УК РФ, которым являются поверхностные воды, подземные воды и источники питьевого водоснабжения.

Согласно п. 7 ГОСТ 2761-84 поверхностными водами являются воды, находящиеся на поверхности суши в виде различных водных объектов (думается, что поверхностных) [7]. Круг таких водных объектов очерчен в ч. 2 ст. 5 ВК РФ.

Хотя, определение подземных вод не закреплено в действующем законодательстве, однако, в ГОСТ 30813-2002 раскрывается содержание схожего понятия – подземной воды, которую следует понимать, как воду, в том числе минеральную, находящуюся в подземных водных объектах (перечень последних формализован в ч. 5 ст. 5 ВК РФ) [6].

В соответствии с ГОСТ 30813-2002 источник питьевого водоснабжения – это водный объект (или его часть), который содержит воду, отвечающую установленным гигиеническим нормативам для источников питьевого водоснабжения, и используется или может быть использован для забора воды в системы питьевого водоснабжения. Данные нормативы, главным образом, охватывают вопросы выработки нормативов, документации в области питьевого водоснабжения, строительства, эксплуатации систем водоснабжения, качества питьевой воды, ими подаваемой [6; 2].

Содержание системы питьевого водоснабжения, также, напрямую, не раскрывается законодателем, но ГОСТ 30813-2002 в п. 30-32, предусматривает отдельные ее виды, через которые можно вывести искомое определение – комплекс устройств, сооружений и трубопроводов, а также они сами, предназначенные для забора, подготовки или без нее, хранения, подачи или без таковой к местам потребления питьевой воды и открытые, либо закрытые для общего пользования [6].

Говоря об административно-правовых нормах-пообратимах статьи 250 УК РФ, следует заметить, что в них предмет нарушения не дифференцирован на отдельные свои виды, и, обозначается как родовым термином «водные объекты».

Во-вторых, наряду с растительным миром и водными ресурсами, диспозиция ч. 1 ст. 250 УК РФ располагает такими категориями как животный мир, лесное хозяйство, сельское хозяйство: 1) понятие первого закреплено в ст. 1 Федерального закона от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире» (животный мир – совокупность живых организмов всех видов диких животных, постоянно или временно населяющих территорию РФ и находящихся в состоянии естественной свободы, а также относящихся к природным ресурсам континентального шельфа и исключительной экономической зоны РФ); 2) содержание понятия «лесное хозяйство» раскрыто в п. 27 ГОСТ Р 57938-2017 (Управленческая и хозяйственная деятельность по использованию, охране, защите и воспроизводству лесов и лесоразведению) [8]; 3) определение сельского хозяйства вытекает из ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2006 № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» (экономическая деятельность по производству сельскохозяйственной продукции, оказанию услуг в целях обеспечения населения российскими продовольственными товарами, промышленности сельскохозяйственным сырьем и содействия устойчивому развитию территорий сельских поселений и соответствующих межселенных территорий).

В-третьих, законодатель максимально расширил границы судебного усмотрения, применительно к случаям установления существенности причиненного вреда животному или растительному миру, рыбным запасам, лесному или сельскому хозяйству, поскольку ни Верховный суд РФ ввел сугубо общее правило реализации уголовной ответственности в данном случае: «Вопрос о признании размера причиненного вреда животному или растительному миру, рыбным запасам, лесному или сельскому хозяйству существенным должен решаться судом в каждом конкретном случае с учетом фактических обстоятельств дела, а также экологической ценности утраченной или поврежденной территории, акватории или природного объекта, площади распространения загрязняющих веществ, уровня деградации земель, количества уничтоженных (поврежденных) водных биологических ресурсов, животных (с учетом изменения их генетического фонда или

изъятия из естественной природной среды), лесных насаждений, сельскохозяйственных культур и т.п.» [9], в то время как ст. 250 УК РФ вообще не содержит упоминания о подобных правилах.

Тем не менее, следует отдать должное Верховному суду РФ, поскольку он не оставил без внимания признак массовости: «При этом массовой гибелью (заболеванием) считается превышение среднестатистического уровня гибели (заболевания) животных в три или более раза» [9].

Как показывает анализ судебной практики [16], суды не предпринимают попыток к разграничению таких понятий как животный мир (предполагаются водные биологические ресурсы, в частности, рыба), рыбные запасы и массовая гибель животных при установлении существенности вреда им нанесенного.

В немалой степени данная ситуация продиктована определенными сложностями при анализе Методики исчисления размера вреда, причиненного водным биологическим ресурсам» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 05.03.2012 № 23404), где одни и те же показатели используются как при определении причинения вреда водному биоресурсу, так и их запасам (количество утраченных водных биоресурсов, рыбопродуктивность водного объекта или его отдельного участка и иные факторы (п. 9)). Однако, следует полагать, что здесь отсутствует какое либо противоречие: 1) ухудшение рыбопродуктивности водного объекта может присутствовать в обоих случаях, однако во втором случае (запасы водных биоресурсов), этот показатель переходит в новое качество, нежели в первом случае (водные биоресурсы); 2) установление факта ухудшения рыбопродуктивности невозможно без анализа количества утраченных водных биоресурсов (аналогичный переход показателя в новое качество); 3) по мере необходимости аналогичный подход может наблюдаться и применительно к иным показателям; 4) вред, причиняемый водным биоресурсам, может иметь и иные выражения, нежели используемые в случае разрешения вопроса существенности вреда, причиненного запасам водных биоресурсов (п. 9) [5].

Резюмируя сказанное, следует заметить, что в первом случае речь идет о факте умерщвления отдельных водных биоресурсов и утрате отдельных природных свойств водного объекта, в то время как во втором – о «жизни» водного объекта, в целом.

Иногда встречается прямое и грубое нарушение правил квалификации ст. 250 УК РФ: при наличии признака массовости, виновному лицу не всегда вменяется ч. 2 ст. 250 УК РФ, даже в случаях как причиненный вред признан судом в качестве сущностного [15].

Остается лишь надеяться, что приведенный пример является исключением на фоне правоприменительной ситуации, применительно к ст. 250 УК РФ. Примечательно, что в этом же судебном решении присутствует ошибка иного рода: суд вменяет лицу загрязнение поверхностных вод, повлекшее причинение существенного вреда рыбным запасам, однако далее он указывает следующее: «Установлен факт сброса неочищенных канализационных сточных вод в ручей без названия, которые по руслу ручья частично попали в русловый пруд, образованный на реке Липка, что прямо привело к гибели рыбы». Согласно логике ст. 1 Федерального закона от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире» и ст. 1 Федерального закона от 20.12.2004 № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов», рыба является диким водным животным, отсюда остается непонятным, почему суд, отражая последствия деяния, не указал в них животный мир?

Говоря о ч. 2 ст. 250 УК РФ, следует заметить, что признак массовой гибели животных нередко наличествует в случае причинения существенного вреда рыбным запасам, что, отчасти, облегчает правоприменение, однако следует задаться вопросом, может ли быть массовость при отсутствии существенности вреда, причиненного рыбным запасам? Дабы у нас не сложилось впечатление, что анализируемый квалифицирующий признак не может существовать без причинения вреда последним. Анализ судебной практики позволяет ответить на поставленный вопрос утвердительно [17]. Примечательно, что в описательно-мотивировочной части судебного решения, суд указывает на факт губительных условий обитания гидробионтов и гибели рыбы, что является прямым

свидетельством причинения вреда рыбным запасам, тем не менее, суд не счел негативный характер таких мест и факта гибели рыбы достаточными, чтобы судить о вреде последним.

При решении вопроса о признании вреда, причиненного растительному миру, в качестве существенного, как показывает практика, основным критерием выступает масштабность загрязнения или иного негативного воздействия относительно подводных (водоросли, донные отложения) или надводных объектов растительного мира (почвенно-растительный покров пойменных террас и др.) [18].

Примеры причинения существенного вреда лесному хозяйству и сельскому хозяйству встречаются на практике не особо часто, тем не менее, под ними, В.М. Лебедев понимает гибель посевов на значительных площадях, падеж скота, усыхание лесов, повреждение береговых насаждений, мест выпаса для скота [23, с. 217].

В-четвертых, уголовное загрязнение вод может также совершаться в соучастии, в частности, группой лиц [19], чего действующая редакция ч. 2 ст. 250 УК РФ, не предусматривает, таким образом, ее диспозицию нуждается в соответствующей корректировке.

В отличие от ответственности за загрязнение вод, предусмотренной уголовным законом, при регулировании аналогичного вопроса в рамках реализации административной ответственности, законодатель более детально подошел к этому вопросу. Во-первых, он отразил множественность способов загрязнения, засорения, истощения и иных изменений природных свойств (других вредных явлений) относительно вод (водных объектов). Во-вторых, объекты рассматриваемых правонарушений являются отличными, от отраженных в ч. 1 ст. 250 УК РФ. В-третьих, в центре внимания законодателя оказались способы общественно-вредного воздействия на качество вод, в т.ч., опосредованно через связанные с ними объекты (водосборы водных объектов, водоохранные зоны, прибрежные защитные полосы и пр.). В-четвертых, правоприменитель вынужден столкнуться обширным перечнем терминов, легальное толкование большей части которых, законодателем, не осуществлено (водосборы водных объектов, водоохранный режим, прибрежные защитные полосы (толкование последнего термина можно вычленить через ч. 2 ст. 65 ВК РФ) и т.д.). В-пятых, на текущий момент, КоАП РФ закрепляет четыре состава административного правонарушения, имеющих непосредственное отношение к факту загрязнения или иного общественно-вредного воздействия на качество вод: ст. 7.6, 8.9, 8.13, 8.14 КоАП РФ, причем с первым и двумя последними сложилась парадоксальная ситуация, из которой пока еще не выбрался правоприменитель.

Целесообразно начать со ст. 8.9 КоАП РФ, поскольку она вызывает проблемы в части загрязнения вод в наименьшей степени, нежели иные упомянутые нами нормы и сводятся они, по существу, лишь к отсутствию терминологического толкования гидроминеральных ресурсов и их загрязнения (водного объекта). Тем не менее, думается, что в данном случае речь идет о минеральных водах, ведь недаром законодатель ставит их в один ряд с недрами, за загрязнение которых также предусматривается ответственность в данной норме, кроме того, минеральные воды являются водными объектами, содержащими природные лечебные ресурсы.

Поскольку минеральная вода понимается нами в своем естественном состоянии, целесообразно воспользоваться соответствующим определением: «природная минеральная вода – это подземная вода, добытая из водоносных горизонтов или водоносных комплексов, защищенных от антропогенного воздействия, сохраняющая естественный химический состав и относящаяся к пищевым продуктам, а при наличии повышенного содержания отдельных биологически активных компонентов (бора, брома, мышьяка, железа суммарного, йода, кремния, органических веществ, свободного диоксида углерода) или при повышенной минерализации оказывающая лечебно-профилактическое действие».

В соответствии с ч. 3 ст. 11 Федерального закона от 23.02.1995 № 26-ФЗ «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах» водопользование минеральной водой, наряду с преждевременным истощением, утратой

лечебных свойств, должно предусматривать осуществление водопользователем мер, направленных на предотвращение загрязнения данного водного объекта. В качестве нарушения, к примеру, может выступать бездействие со стороны последнего, в условиях отсутствия функционирования буровых скважин, направленное на непринятие мер по их консервации или ликвидации [14].

Переходя к ст. 7.6 КоАП РФ, следует сказать, что ее диспозиция, как верно заметила Н.В. Данилова, по своему смысловому содержанию настолько схожа с ч. 4 ст. 8.13 и ч. 1 ст. 8.14 КоАП РФ, что в определенных случаях выделить их сущностные отличия, не представляется возможным [22, с. 46]. Авторская позиция имеет все основания быть принятой, в силу следующих обстоятельств.

Интересующий нас аспект диспозиции ст. 7.6 КоАП РФ предусматривает два альтернативных действия (бездействия): 1) использование водного объекта или его части без документов, на основании которых возникает соответствующее право пользования; 2) водопользование с нарушением условий реализации данного права. Первое деяние носит формальный характер и является оконченным с момента начала водопользования. Второе, же, обладает материальным характером и, как правило, связано с превышением нормативов допустимого негативного воздействия на качество водного объекта [10]. Впрочем, и в первом случае лицо осуществляет деятельность, приводящую к загрязнению или иному общественно-вредному воздействию, ухудшающему экологическое состояние водного объекта [11].

Примечательно в данном случае наличие в ст. 7.6 КоАП РФ такой категории как условия водопользования, содержание которых в ней не раскрывается. Тем не менее, как показывает судебная практика, под ними понимаются положения договора водопользования или Решения о предоставлении водного объекта в пользование, устанавливающие обязанность водопользователя, связанных с осуществлением разрешенного вида водопользования, мероприятий, направленных на реализацию последнего, включая те из них, предполагающих предотвращение загрязнения или иного общественно-вредного воздействия на водный объект (в т.ч. не превышение нормативов допустимого воздействия на водные объекты (ст. 35 ВК РФ)) [12].

Перечень условий достаточно обширен и включает в себя следующее: 1) недопущение нарушения прав других водопользователей, а также причинения вреда окружающей среде; 2) содержание в исправном состоянии расположенных на водном объекте и эксплуатируемых водопользователем гидротехнических и иных сооружений, связанных с использованием водного объекта; 3) осуществление мероприятий по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций на водном объекте; 4) ведение наблюдений за водным объектом и его водоохранной зоной, а также представление результатов таких наблюдений; 5) недопущение проведения работ на водном объекте, приводящих к изменению его естественного водного режима; 6) осуществлении мер по охране водного объекта от загрязнения и засорения и иное [4].

Особый интерес представляет первый пункт, анализируя который уместно вспомнить содержание понятия вреда окружающей среде: «вред окружающей среде – негативное изменение окружающей среды в результате ее загрязнения, повлекшее за собой деградацию естественных экологических систем и истощение природных ресурсов» (ст. 1 Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»). Исходя из данного определения, следует, в случае загрязнения водного объекта, лицо должно быть привлечено к ответственности по ст. 7.1 КоАП РФ, однако, не следует забывать и о соответствующих частях ст. 8.13 и ст. 8.14 КоАП РФ, также, это предполагающих.

Если с условиями водопользования ситуация разрешается благополучно, то, применительно к его правилам, а также правилам охраны водных объектов, их взаимоотношению, она выглядит диаметрально противоположной.

Помимо того факта, что законодатель не раскрыл категорию правил водопользования, анализ судебной практики также не дает ответа относительно их

содержания, поскольку суды, мотивируя свою позицию используют и нормы, относящиеся к охране водных объектов (гл. 6 ВК РФ) [13].

В ст. 45 ВК РФ мы видим искомые правила водопользования, относящиеся к водохранилищам, состоящие из, собственно, правил использования водных ресурсов и правил технической эксплуатации и благоустройства рассматриваемого водного объекта. Причем их положения отличаются детальностью и широким перечнем случаев, позволяющих привлечь лицо за их нарушение [3].

Также, об аналогичных правилах в случае использования поверхностных водных объектов для взлета, посадки воздушных судов, упоминает ч. 4 ст. 47 ВК РФ, которые охватывают вопросы, связанные с загрязнением и иным общественно-вредным воздействием на водный объект [1].

Однако, в случае иных водных объектов и их целевого использования, подобные правила отсутствуют, на смену им приходят правила использования водных объектов, устанавливаемых органами местного самоуправления (ст. 50 ВК РФ), отсылочные и бланкетные нормы, направляющие к общему правилу водопользования (ст. 42 ВК РФ), специальным правилам водопользования (ст. 43-54 ВК РФ), самому водному закону, в целом и иным отраслевым законам, соответственно.

В подобной ситуации, установить полный перечень видов нарушений, предстает проблематичным, хотя и разрешимым, и, все же, нельзя забывать о следующем нюансе: правило водопользования презюмирует осуществление водопользователями мероприятий по охране водных объектов. В свою очередь, ст. 43 и 44, в частности, предполагают осуществление водопользователем мер, направленных на недопущение загрязнения и засорения водных объектов (соблюдение водопользователем правил технической эксплуатации водного объекта, нормативов допустимых сбросов, воздержание от сбросов сточных вод в водные объекты, содержащие природные лечебные ресурсы, или отнесенные к особо охраняемым водным объектам).

Тем не менее, обращаясь к специфическим требованиям осуществления целевого назначения при использовании водных объектов, следует, что нормы гл. 6 ВК РФ не ограничиваются лишь их охраной, а связаны с иными аспектами такого водопользования, ими может выступать следующее: 1) осуществление правообладателями водного объекта обязанностей, предусмотренных ч. 2 ст. 39 ВК РФ; запрет или ограничение осуществление деятельности и строительства (ч. 2 ст. 43 ВК РФ); 2) наличие договора водопользования или Решения о предоставлении водного объекта в пользование (вытекает из ч. 5 ст. 45 ВК РФ); 3) рациональность (например, при заборе (изъятии) воды); 4) приоритет водопользования для целей питьевого и хозяйственно-бытового водоснабжения (ст. 46 ВК РФ); 5) запрет на сплав древесины при использовании водного объекта (причем за подобное деяние установлена ответственность в ч. 3 ст. 8.13 КоАП РФ, отсюда, непонятно, то ли она позиционируется как специальная норма, поскольку она конкретизирует деяние, вытекающие из ч. 1 ст. 8.14 КоАП РФ, то ли законодатель допустил соответствующую ошибку (во всяком случае, логическую, точно совершил)) и т.п. Обозначенные перечень, является условным, поскольку он тесно связан с понятием охраны водного объекта. Отсюда, целесообразным является вывод из ст. 8.14 КоАП РФ случаев, связанных с загрязнением, засорением и иными вредными явлениями.

Далее, возвращаясь к ст. 7.6 КоАП РФ, следует обратить внимание на тот факт, что вопросы документального сопровождения водопользования относятся и к ст. 8.14 КоАП РФ [3]. Более того, несмотря на то обстоятельство, что ст. 7.6 КоАП РФ является альтернативной, т.е. даже совокупность самостоятельных деяний, предусматриваемых ей, не порождает оснований для применения иной нормы, судебная практика показывает обратную ситуацию [13]. Говоря о водопользовании с нарушением его условий, мы наблюдаем смысловое дублирование ст. 8.13 и 8.14 КоАП РФ. И, тем не менее, указание на условия водопользования имеет характерный смысл, поскольку, среди них могут встречаться достаточно проработанные положения относительно обязанностей

водопользователя, а также те из них, избежавших нормативно-правового дублирования, таким образом, отказаться от них преждевременно.

Однозначного ответа относительно того, что подразумевается под правилами охраны водного объекта, и, тем не менее, логично предположить, что ими является совокупность законов и правил, отраженная в ч. 2 ст. 55 ВК РФ, которые, тем не менее, вступают в конфликт с правилами и условиями водопользования при реализации административной ответственности, разрешить который возможно лишь посредством изменения законодательства.

В заключении следует внести следующие законодательные предложения по изменению УК РФ и КоАП РФ:

«УК РФ Статья 250. Загрязнение вод...2. Те же деяния, повлекшие причинение вреда здоровью человека или массовую гибель животных, а равно совершенные на территории заповедника или заказника либо в зоне экологического бедствия или в зоне чрезвычайной экологической ситуации, либо группой лиц...

КоАП РФ Статья 7.6. Самовольное занятие водного объекта. Самовольное занятие водного объекта или его части, то есть фактическое завладение водным объектом или его частью, с целью последующего использования для удовлетворения хозяйственных, рекреационных и иных личных нужд и (или) получения коммерческой выгоды – ...(санкция).

КоАП РФ Статья 8.13. Нарушение правил охраны водных объектов...Примечание. Под правилами охраны водных объектов понимаются нормы главы 6 и иные Водного кодекса Российской Федерации, иного отраслевого законодательства, а также правил охраны поверхностных водных объектов и правила охраны подземных водных объектов, утвержденных Правительством Российской Федерации, устанавливающие соответствующие обязанности правообладателя водного объекта или его части.

КоАП РФ Статья 8.14. Нарушение правил водопользования. 1. Нарушение правил и (или) условий водопользования при заборе воды, без изъятия воды и при сбросе сточных вод в водные объекты, за исключением случаев, предусмотренных статьей 8.13 настоящего Кодекса – ...(санкция).

2. Нарушение правил и (или) условий водопользования при добыче полезных ископаемых, торфа, сапропеля на водных объектах, а равно при возведении и эксплуатации подводных и надводных сооружений, при осуществлении рыболовства, судоходства, прокладке и эксплуатации нефтепроводов и других продуктопроводов, проведении дноуглубительных, взрывных и иных работ либо при строительстве или эксплуатации дамб, портовых и иных сооружений, за исключением случаев, предусмотренных статьей 8.13 настоящего Кодекса – ...(санкция).

Примечания. 1. Под правилами водопользования понимаются нормы главы 5 и иные Водного кодекса Российской Федерации, иного отраслевого законодательства, а также правил использования соответствующих водных объектов, утвержденных уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти, устанавливающие соответствующие обязанности правообладателя водного объекта или его части.

2. Под условиями водопользования понимаются условия использования водного объекта или его части, предусмотренные договором водопользования или указанные в Решении о предоставлении водного объекта в пользование».

Список литературы:

1. Постановление Правительства РФ от 30.12.2006 № 882 «Об утверждении Правил использования поверхностных водных объектов для взлета, посадки воздушных судов» // «Собрание законодательства РФ», 29.01.2007, № 5, ст. 650.
2. Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 26.09.2001 № 24 (ред. от 28.06.2010) «О введении в действие Санитарных правил» (вместе

с «СанПиН 2.1.4.1074-01. 2.1.4. Питьевая вода и водоснабжение населенных мест. Питьевая вода. Гигиенические требования к качеству воды централизованных систем питьевого водоснабжения. Контроль качества. Гигиенические требования к обеспечению безопасности систем горячего водоснабжения. Санитарно-эпидемиологические правила и нормативы») (Зарегистрировано в Минюсте России 31.10.2001 № 3011) // «Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти», 26.11.2001, № 48.

3. Приказ Минприроды РФ от 24.08.2010 № 330 «Об утверждении типовых правил использования водохранилищ» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 17.09.2010 № 18461) // «Российская газета», 29.09.2010, № 219.

4. Приказ Минприроды России от 08.07.2019 № 453 «Об утверждении типовой формы решения о предоставлении водного объекта в пользование, принимаемого Федеральным агентством водных ресурсов, его территориальным органом, органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органом местного самоуправления» // «Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru», 09.09.2019, № 0001201909090035.

5. Приказ Росрыболовства от 25.11.2011 № 1166 «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного водным биологическим ресурсам» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 05.03.2012 № 23404) // «Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти», 02.07.2012, № 27.

6. ГОСТ 30813-2002. Межгосударственный стандарт. Вода и водоподготовка. Термины и определения (введен в действие Постановлением Госстандарта России от 12.11.2002 № 409-ст) // Контроль качества воды: Сб. ГОСТов. - М.: ФГУП «СТАНДАРТИНФОРМ», 2010 год.

7. ГОСТ 19179-73. Государственный стандарт Союза ССР. Гидрология суши. Термины и определения (введен в действие Постановлением Госстандарта СССР от 29.10.1973 № 2394) // М.: Издательство стандартов, 1988 год.

8. Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 57938-2017 «Лесное хозяйство. Термины и определения» (утв. и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 21 ноября 2017 г. № 1791-ст) // Официальное издание. М.: Стандартинформ, 2019 год.

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 (ред. от 30.11.2017) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // «Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации», декабрь 2012 г., № 12.

10. Постановление по делу об административном правонарушении № 5-1101/2017 от 17 мая 2017 Видновского городского суда Московской области – URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 02.12.2020).

11. Постановление по делу об административном правонарушении № 5-4/2016 от 20 февраля 2016 Плюского районного суда Псковской области – URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 02.12.2020).

12. Постановление по делу об административном правонарушении № 5-26/2016 от 19 мая 2016 Чкаловского районного суда Нижегородской области – URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 02.12.2020).

13. Постановление по делу об административном правонарушении № 5-2/2016 от 15 апреля 2016 Шегарского районного суда Томской области – URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 02.12.2020).

14. Решение по делу об административном правонарушении № 21-12/2016 от 13 января 2016 г. Пермского краевого суда г. Перми – URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 02.12.2020).

15. Приговор по уголовному делу № 1-310/2018 от 22 июня 2018 г. Красногорского городского суда Московской области – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 02.12.2020).

16. Приговор по уголовному делу № 1-9/2014 от 3 июля 2014 г. Вурнарского районного суда Чувашской Республики – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 02.12.2020).
17. Постановление по уголовному делу № 1-230/2019 от 20 июня 2019 г. Рославльского городского суда Смоленской области – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 02.12.2020).
18. Приговор по уголовному делу № 1-20/2014 1-252/2013 от 20 января 2014 г. Усинского городского суда Республики Коми – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 02.12.2020).
19. Приговор по уголовному делу № 1-209(90650) от 25 мая 2011 г. Октябрьского районного суда г. Кирова – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 02.12.2020).
20. Береснев А.В., Котлярова В.В. Загрязнение природных вод и способы их очистки // Науч.-метод. электрон. журн. «Концепт». – 2017. – Т. 39. – С. 776-780.
21. Власов, В.А., Сигаева, Н.О., Толстиков, В.А. Некоторые актуальные проблемы правоприменения и вопросы совершенствования уголовно-правовой ответственности за загрязнение вод (ст. 250 УК РФ) // Право и государство: теория и практика. – 2020. – №2(182). – С. 39-41.
22. Данилова Н.В. Административно-правовая квалификация загрязнения водных объектов // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. №2 (40). С. 44-49.
23. Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Том 3. Особенная часть. Раздел IX / В.М. Лебедев [и др.]; ответственный редактор В.М. Лебедев. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – 298 с.

